

С.Г. КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР, М.С. КРУГЛОВА

«ОБЩЕСТВО», «ГОСУДАРСТВО» И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МАТРИЦЫ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО МЕЗОАНАЛИЗА

КИРДИНА-ЧЭНДЛЕР Светлана Георгиевна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, зав. сектором (kirdina@bk.ru); КРУГЛОВА Мария Семёновна – младший научный сотрудник (mashakruglova999@gmail.com). Обе – Институт экономики РАН, Москва, Россия.

Аннотация. В статье представлен пример междисциплинарности в развитии социологической теории. Речь идет о соотношении имманентного содержания языковых констант «общество» и «государство» с положениями теории институциональных X-Y-матриц. Для этого используется метод междисциплинарного мезоанализа, что позволяет систематизировать и организовать знания из лингвистики (языкознания), этимологического анализа, применив их в социологических исследованиях. В нашей выборке сравнивается этимология слов «общество» и «государство» в языках стран, где доминируют институты X-матрицы (русский, китайский, японский, хинди/санскрит) и институты Y-матрицы (английский, французский, немецкий). Этимология слов «общество» и «государство» в исследованных языках отражает сущностные черты институциональной организации в странах с доминированием разных матриц. Построение базовой языковой константы «общество» в странах с доминированием Y-матрицы следует логике «от частного к общему», или логике агрегирования «снизу» (bottom-up): от индивидуумов к социуму. Для стран с доминированием X-матрицы этимологический анализ слова «общество» обнаруживает логику «от общего к частному», или «сверху» (top-down), когда первичным является целое (социум), которое объединяет входящих в его состав индивидуумов. Выявлена различная этимология языковой константы «государство» в странах с доминированием институциональной X- или Y-матрицы. Полученные результаты являются дополнительным доказательством существенных различий между обществами с доминированием альтернативных матриц и обосновывают целесообразность мезоанализа при проведении междисциплинарных исследований. Они также служат вкладом в развитие лингвосociологии, показывая взаимосвязь между типами обществ (их социальных структур) и содержанием «очищенных» от культурного контекста важных языковых констант, характерных для данных типов обществ. Полученные результаты также имеют значение для углубления международной коммуникации социологов.

Ключевые слова: мезоанализ • методологический институционализм • междисциплинарность • общество • государство • языковые константы • теория институциональных X-Y-матриц • лингвосociология

DOI: 10.31857/S013216250007101-4

Введение. Стремясь найти адекватные подходы к анализу усложняющейся социальной реальности, ученые используют разные технологии: развивают междисциплинарные исследовательские проекты; осуществляют новые «повороты» в сторону появляющихся феноменов или соседних наук¹; разнообразят методики за счет включения непривычных для конкретной дисциплины эмпирических данных в корпус теоретических обоснований.

Исследование выполнено в рамках госзадания АААА-А17-117021750042. Авторы благодарят Е.В. Слинько и А.В. Невзорову за предоставленные аналитические материалы по этимологии слов «общество» и «государство» в языках хинди и санскрит и Н.В. Луговскую за материалы по этимологии слов «общество» и «государство» в арабском языке. Авторы также благодарны М.А. Кузьминой за ценные консультации и ссылки.

¹ В социологии таких «поворотов» начитывали до 2–3 десятков.

Мы хотели бы внести вклад в обсуждение такой актуальной, включенной в тематику Харчевских чтений-2019, темы, как *роль междисциплинарности в развитии социологической теории*, представив пример исследования, в котором социология взаимодействует с лингвистикой (языкознанием). Мы покажем, как выявленное для разных языков имманентное содержание важнейших языковых констант «общество» и «государство» становится индикатором для социологической теории институциональных X-Y-матриц [Кирдина, 2014].

Цель исследования состоит в проверке гипотезы о связи различий институциональных структур обществ, обусловленных доминированием X- либо Y-матрицы, и особенностей языкового обозначения основных общественных структур. На фоне культурных различий мы надеемся обнаружить особенности формирования таких языковых обозначений в странах с доминированием X- либо Y-матрицы. Для проверки гипотезы мы сопоставим этимологию слов «общество» и «государство» в языках стран, где доминируют институты X-матрицы (русский, китайский, японский, хинди/санскрит) и институты Y-матрицы (английский, французский, немецкий).

Институциональный мезоанализ как основа междисциплинарного подхода.

Методологическую основу нашего исследования составляет подход, который мы назвали мезоанализом. Он развивает идеи, представленные ранее [Кирдина, 2015], и опирается на принцип методологического институционализма. Этот подход представляется эффективным для междисциплинарных исследований – в данном случае на стыке языкознания (лингвистики) и социологии. Мезоанализ позволяет выделить и сопоставить релевантные уровни анализируемой реальности, что при работе со сложными конструктами *общество* (предмет социологии) и *язык* (предмет лингвистики) критически важно.

В теории институциональных X-Y-матриц *общество* рассматривается как мезоструктура взаимосвязанных базовых институтов, регулирующих общественные сферы – экономику, политику и идеологию. Планируя междисциплинарное социолого-лингвистическое исследование, где лингвистические данные призваны верифицировать социологическую теорию, нам предстоит выбрать адекватные институциональному мезоуровню единицы лингвистического анализа. Такими единицами мы полагаем языковые константы: «...для широкого круга общественных отношений и собственно социального мира характерно постулирование констант, определяющих не только направление развития этих систем, но и существенные черты их организации... интериоризируя социальный мир, индивид ... руководствуется в повседневной жизни определенными константами» [Попов, 2013: 14]. Языковые константы, или «базовые исторические понятия», которые «не существуют вне словесного воплощения» [Дуринова, 2015: 69], отражают ядро социальной реальности, транслируемое через национальные языки. Выбранные нами для анализа слова-понятия «общество» и «государство» относятся именно к таким.

Как полагают языковеды, эти понятия могут рассматриваться как «структуры долгой длительности, или *long-term structures*» [Дуринова, 2015: 70]; они существуют не в хронологическом, а в историческом времени, позволяя через них понимать исторические события и прогнозировать их структурные черты. В отношении них даже в ходе семантической динамики² «свойство временной нелокализованности остается неизменным» [там же]. Поэтому при изучении языковых констант важное значение имеет использование словарей: «словари отражают “долговечную” семантику» [Козеллек, 2010: 33].

В чем специфика используемого нами в работе с языком институционального мезоанализа? Как и сторонники дискурс-анализа, мы элиминируем влияние субъективных характеристик (индивидуальных/групповых), для выявления «объективированных» языковых конструкций. Вот как отмеченная специфика представлена в работах, посвященных анализу дискурса. Дискурс обладает структурированностью и относительной устойчивостью «формы артикуляции знания в конкретной культурной традиции – вне каких бы то ни было значимых моментов, привносимых со стороны субъекта» [Можейко, Лепин, 2001:

² О темпоральной семантике слова «общество» в русском языке см., напр.: [Дуринова, 2015].

328]. И хотя в дискурсах, казалось бы, нет четкой институциональной управляющей структуры, «они обладают внутренними локальными правилами, в которых “растворен” субъект» [Чудова, 2015: 38]. В институциональном мезоанализе языка субъект также «растворен» в базовых структурах, в данном случае в языковых константах, которые определяют его поведение и понимание.

Но есть и отличия между мезоанализом языка и дискурс-анализом. Первое связано с временным горизонтом анализа. Базовые институты, исследуемые в теории институциональных X-Y-матриц, – долговременные относительно устойчивые структуры; их влияние на язык и словообразование фундаментально и пролонгированно. Поэтому институциональный мезоанализ языка имеет объектом прежде всего языковые «структуры долгой длительности», устойчиво закрепившиеся и постоянно воспроизводящиеся, словесно выражающие базовые исторические понятия.

Второе отличие состоит в приоритете структурной социологической интерпретации над культурно-исторической. Если в дискурс-анализе роль культурного контекста для интерпретации речевой деятельности и набора используемых языковых конструкций является определяющей, то институциональный мезоанализ стремится «очистить» от культурного контекста исследуемые феномены. Языковые константы как объект мезоанализа рассматриваются в роли интегральных «социальных оснований» и отражения в языке базовых социальных (институциональных) структур.

Лингвистический поворот в социологии и задачи данного исследования. В числе новых поворотов в развитии социологии лингвистический упоминается, пожалуй, наиболее часто. Он обращает внимание на связь языка с реальным миром, трактует язык как один из способов существования в мире: «...люди знают ... общество через язык» [Лю, 2018: 117].

Языки не самостоятельные сущности, произвольно «членящие» мир и навязывающие человеку представления о нем, они «понимаются как исторически сложившиеся и закрепленные соглашением конструкты, имеющие объективные предпосылки, отражающие социокультурный опыт человека, служащие конструктивно-проективным целям познания и коммуникации в целом» [Микешина, 2018: 11]. Полагаем, что доминирующие институциональные матрицы – одна из объективных предпосылок формирования языковых констант.

При их изучении мы используем процедуру социолингвистики – **этимологический анализ**, предполагающий установление источника и способа образования слова от соответствующей производящей основы и его прошлые словообразовательные связи. Ниже осуществляется этимологический анализ слов «общество» и «государство» в языках народов стран, где доминируют институты X-матрицы (из них мы выбрали русский, китайский, японский, хинди/санскрит), либо Y-матрицы (среди них английский, французский и немецкий языки). Мы попытаемся определить исторически воспроизводящийся в этих словах смысл, который явно или неявно воспринимают жители соответствующих стран, тот «структурный», не связанный с культурной спецификой образ, который осознанно или неосознанно при произнесении этих слов возникает у русского, китайца, японца, англичанина и т.д.

Этимологический анализ слова «общество» в языках стран с доминированием X-матрицы³. **Русский язык.** Старославянское *общество* восходит к праславянской основе *obyтъ [Фасмер, 2003: 110], истолковываемой исходя из семантики предлога-приставки o(b)-: «то, что вокруг» [там же], «распространенный вокруг, окрестный» [Черных, 2004: 589]. «Слово *obyтъ* ... синонимично слову *obyтъина*, обозначая связь, отношение к чему-либо» [Дуринова, 2015: 74]. Оно связано с древними словами 'обычи, опче' – нечто, что относится ко всем, принадлежит «кругу», 'обечь' – общее владение. «Это слово часто встречается в законодательных актах, для которых важно указать не на то, что принадлежит одной

³ Отнесение России, Китая, Японии и Индии к странам с доминированием институтов X-матрицы обосновано в [Кирдина, 2014: 309–312].

семье или одному роду, а на то, что является общим владением согласно круговой поручке» [Колесов, 2014: 36].

Одновременно с бытованием слова «общество» в первой половине XVIII в. в русском языке для обозначения этого понятия предлагались многочисленные фонетические варианты калькирования термина «общество» из западных языков: 'социетас' в 1718 г., 'социетет' в 1724 г., 'социете' в 1728 г., 'сосиетет' в 1732 г., 'социетат' в 1738 г., 'сосиета' в 1747 г. или 'сосиете' в 1748 г. Но эти варианты не закрепились, что «с одной стороны, говорит о том, что перевод этого концепта средствами русской лексической системы оказывался невозможным, а с другой стороны, с очевидностью показывает нежизнеспособность этих сменяющих друг друга вариантов» [Дуринова, 2015: 85] в российских условиях.

Пытались обозначать общество словом «гражданство» – «в последней трети XVIII в. оно употребляется параллельно слову "общество", постепенно уступает ему в частотности и уходит к началу XIX века» [Дуринова, 2015: 86]. Попытки придать слову «общество» смысл собирания «снизу», объединение граждан, также не закрепились в языке. Как зафиксировал позже Даль, «общество» происходит от слова «общать», или «считать вместе, заодно» [Даль, 1989: 634], канонизировав это понимание.

Протицируем известного лингвиста-русиста В.В. Колесова: «Народное сознание никогда не довольствуется внешним приятием чужого понятия, оно творит свое представление» [Колесов, 2014: 183]. Слово «общество» является характерным примером представления, сотворенного народом. «Русское слово "общество" изначально обладает богатейшим когнитивным потенциалом, заключенным в его корне (несравнимым по объему с предоставляемым, например, во французском языке словом *société*). Язык словно непрерывно находится в поисках той общности, которую единственно можно выразить этим словом и никаким другим» [Дуринова, 2015: 95]. В русском языке слово «общество» обладает собственной «самостью», отделяющей его от состава образующих индивидов (личностей).

Китайский и японский языки. Их совместный анализ связан со спецификой иероглифического письма в обоих языках и с тем, что иероглиф, знак «общество» пришел в японский язык из Китая [Akahori, 2010].

Рассмотрим китайское слово «общество» 社會 (*shehui*, шэхуэй) [Баранова, 1990: 265], или в полном написании 社會. Иероглиф состоит из двух слов-слов (двуслогов), каждый из которых отражает разные грани понятия «общество» в китайском языке. Основные переводы *первого двуслога* 社 (шэ – «общество», «ассоциация», «объединение», «кооператив», «коммуна»⁴). В текстах времен династии Чжоу (1045 до н. э. – 221 до н. э.) этот иероглиф обозначал объединение из 25 дворов с общим алтарем земли, во времена династии Хань (206 до н. э. – 220 гг. н. э.) – сельскую общину в пять или десять дворов, а также единицу самообороны. Одновременно этот иероглиф имел значение «дух поля», «родящая земля», «открытый алтарь [духу землю]» и «храм земли (как символ государственности)».

Традиционная китайская система землепользования предполагала систему «колодезных полей». «Колодезных» по двум причинам. Поле, которое обрабатывала община, имело форму иероглифа «колодец» 井, где части по краям обрабатывали отдельные семьи, центр обрабатывала вся община. Урожай с этого участка шел на уплату подати в пользу государства. В случае плохого урожая вся община поровну добавляла недостающую часть зерна в податную долю со своих полей.

Во-вторых, на общинном центральном участке находился колодец для орошения остальных участков поля, что побуждало членов общины держать колодец в чистоте и исправности. На этом участке находился также храм Земли или алтарь, где старший член общины совершал обряды и приносил жертвы духу Земли. Иероглиф 社 в разные периоды истории обозначал все эти понятия.

⁴ 大 Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=общество> (дата обращения: 10.05.2019).

Второй двуслог иероглифа – 会 – «общество» («союз»). Семантику иероглифа можно определить как «собрание (единое) под одной крышей». Происхождение данного иероглифа связывается с тем, что в китайской сельской общине существовала система круговой поруки, и община, не нуклеарная семья, была низшей фискальной единицей. Этот иероглиф обозначает единую и неделимую целостность с общим хозяйством.

В китайском языке оба иероглифа, сформировавшие слово «общество», обозначают таким образом единую сакральную структуру с коллективной ответственностью и круговой порукой.

Японский язык для означения слова «общество» (*shakai* в латинской транскрипции) позаимствовал иероглиф 社会 из Китая. Его начертание также отражает идею святости места пребывания живущих вместе людей [Akahori, 2010]. Несмотря на попытки японских интеллектуалов конца XIX в. [Social Theory and Asian..., 2018: 322] переименовать «общество» в соответствии с западной традицией, прижилось его историческое обозначение, характерное для ряда азиатских стран, включая Корею и Вьетнам [Sako, 2008].

Языки Индии (хинди/санскрит, урду). Индия – одно из самых многонациональных государств, в ней – 22 официальных языка. Самый популярный из них – хинди, на нем говорит более 40% населения страны. Мы анализируем преимущественно слова из этого языка, привлекая для дополнительного анализа санскрит («предок» современного хинди) и урду.

В современном хинди «общество» (написание समाज – *samaj*) – это, по сути, санскритское слово *samaj*. Оно происходит от глагола *aj* – «собирать вместе», но также «побеждать, подчинять». В санскрите это слово имело значение «собрание, встреча, общество» [Monier-Williams, 1899: 1153]. Этимология слова «общество» тесно связана с важнейшей ролью общины в жизни Индии [Алаев, 1981]: одним из смыслов слова «общества» было «держатъ окружающую среду в чистоте» [Алаев, 1981].

В урду для обозначения общества используется слово арабского происхождения *tashara* (قرشاعم). В арабском у него два основных значения: общение (дружба) или сожительство (общезиительство, совместное проживание) [Арабско-русский словарь, 2001].

Подытоживая анализ этимологии слова «общество» в языках разных культур (русской, китайской, японской, индийской), мы обнаруживаем общесоциологическое содержание этой языковой константы. Для стран с доминированием институтов Х-матрицы слово «общество» отражает идею совместного проживания, понятие формируется «сверху», от «целого к частному», идея целого является определяющей. В структуре этой важнейшей языковой константы нет отсылок к индивидам.

Обратимся к образной визуализации результата. Визуальная идеало-типическая метафора восприятия структуры общества в странах с доминированием институтов Х-матрицы дана на рис. 1. Мы сознательно обращаемся к растению гранат, чтобы избежать гуманитарных и социальных коннотаций и представить нашу идею в максимально нейтральном в отношении любых оценочных суждений смысле.

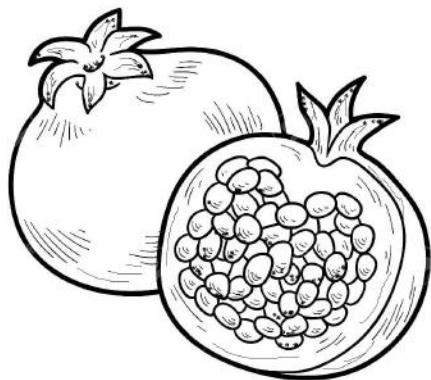

Рис. 1. Визуальная метафора понятия «общество» в странах с доминированием институтов Х-матрицы

Разрушение целостности граната приводит к гибели всех его зернышек. И, наоборот, если обособить одно зернышко, это приводит к гибели в конечном счете всего плода. Поэтому существование граната как целого – залог «выживания» структуры. Связи между элементами структуры (зернышками) – это связи морфологического типа, означающие принадлежность общему целому.

Отличается ли этимология слова «общество» в странах с доминированием институтов Y-матрицы?⁵

Этимологический анализ слова «общество» в странах с доминированием Y-матрицы (английский, французский и немецкий языки). Английский и французский языки относятся к языкам романской группы, развившимся от некогда единого латинского языка. Слово «общество» в них (*society* – англ. и *société* – фр.) связаны с семантикой корня и заключенными в нем смысловыми потенциями, пришедшими из латыни [Дуринова, 2015: 87]. Общество на латыни – *societas*⁶ от существительного *socius* (товарищ, друг, союзник). Исторически второе предшествует первому, то есть термин «общество» появился, чтобы обозначить объединение взаимодействующих дружески (союзнически) настроенных друг к другу субъектов.

Мы видим, что с момента возникновения слово «общество» в английском и французском языках несет идею объединения образующих его индивидов, то есть строится по логике агрегирования «снизу». Как представлял общество Адам Смит (1723–1790): то, что существует «среди разных людей, разных торговцев только из желания получить выгоду или пользу без какой-либо взаимной любви или привязанности, достаточно лишь того, что они воздерживаются от причинения вреда друг другу» [Briggs, 2000: 9].

Во французском в слове «общество» также представлено антропологическое основание: в XV в. его определяли как «союз равноправных людей для совместного дела» [Будагов, 1940: 171]. Исследователи французского языка специально отмечают в этом термине значение соединения индивидов. «Роль отдельного индивида является решающей ... в происхождении этого соединения: общества – это продукты действия двух независимых индивидов, отношение между которыми симметрично (договор предполагает равноправие сторон) и которые преследуют каждый свои цели» [Дуринова, 2015: 88; см. также: Branca-Rosoff, Guilhaumou, 2003: 143–179].

Этимология немецкого слова «общество» (*Gesellschaft*) отсылает к старонемецкому слову «*geselle*» (компаньон, товарищ) и абстрактно-объединительному суффиксу «-*schaft*»⁷ (то же, что в английском -*ship* или в русском -*ство*). Здесь та же антропоцентричная логика словообразования общества, что и в базирующихся на латыни английском и французском языках.

Содержание языковой константы «общество» в странах с доминированием институтов Y-матрицы следует, таким образом, иной логике по сравнению со странами X-матрицы. Первичными здесь являются индивиды, образующие союзы. Мы полагаем визуализировать эту идею образом винограда (рис. 2).

Хотя виноградины объединены на одной кисти, они в определенной мере автономны и не защищены от окружающего мира единой оболочкой, как зернышки в гранате. Каждая из виноградин соединена с кистью отдельным способом, и удаление одной (или более) из них возможно без нанесения ущерба всей кисти в целом. Формирование виноградной кисти как некоей целостности – это приращение все новых виноградин.

Следующий этап нашего исследования – этимологический анализ другой важнейшей языковой константы – «государство».

⁵ Отнесение англоязычных стран, Франции и Германии к странам с доминированием институтов Y-матрицы обосновано в [Кирдина, 2014:309].

⁶ В римском праве термин «*societas*» означал свободные договорные отношения между лицами, находящимися лицом к лицу.

⁷ Online Etymology Dictionary, word «*gesellschaft*». URL: <https://www.etymonline.com/word/gesellschaft> (accessed 23.04.2019).

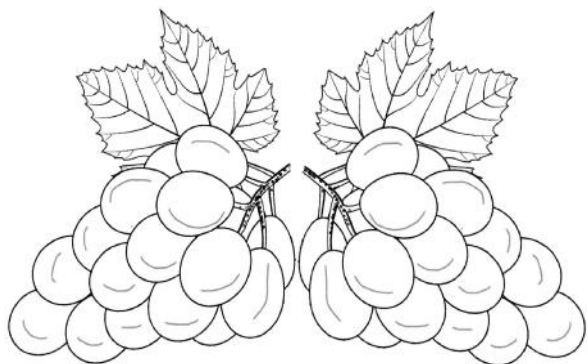

Рис. 2. Визуальная метафора понятия «общество» в странах с доминированием институтов Y-матрицы

Этимологический анализ слова «государство» в странах с доминированием X-матрицы. Русский язык. Исследователи сходятся на том, что слово «государство» происходит от древнерусского «государь» (так называли князя-правителя на древней Руси), которое, в свою очередь, связано с более древним словом «господарь». Отмечается связь слов «государство» и «господь» [Этимологический словарь..., 1996: 446, 448]. Отметим, слово «государство» появилось позже слова «государь», поэтому первоначально оно воспринималось как нечто, непосредственно связанное с ролью государя. «Государство по первоначальному смыслу – не область, а сама эта власть, власть государя над всем, что попадает в орбиту его державства» [Колесов, 2014: 216].

Специфика понимания государства в непосредственной связи с ролью государя в русском языке проявляется в известном письме царя Ивана IV английской королеве Елизавете в 1570 г., анализ которого приводит О. Хархордин: «Послание гласило: “И мы чаяли того, что ты на своем государстве государыня и сама владеешь и своей государьской чести смотришь и своему государству прибытку”. Р. Пайпс приводит перевод, сделанный английской канцелярией, замечая, что английские переводчики были сбиты с толку русским текстом и передавали слово “государство” как *domain*, *land*, или *realm*, хотя эти территориальные термины иногда не соответствовали русскому слову, которое часто подразумевало лишь личное господство» [Хархордин, 2002: 173]. На самом деле русский царь использовал слово «государство» со значением «правления», как оно известно в русском языке с XV в. Широкое распространение в разговорной речи, как указывают источники, это слово получило в XVII в.

Несмотря на активные контакты Русского государства с европейскими соседями, «русский язык не заимствовал латинское слово или его западноевропейские эквиваленты для обозначения феномена *state*. Латинское слово *status* было инкорпорировано в русский язык только для обозначения социального положения человека, в то время как фонетическая калька немецкого слова *Staat* стала обозначать административную единицу внутри федерального государства, как, например, в выражении «Соединенные Штаты» [Хархордин, 2002: 165]. Языковая константа сохранила присутствие фигуры правящего государя в наименовании «государства», олицетворяющего иерархический характер управления страной.

В китайском языке слово государство обозначается «двойным» иероглифом 国家 [Баранова, 1990: 433]. Первый двуслог-иероглиф 国 означает «страна», «государство», «отечество», «родина», «родные места». У второго знака 家 первое и основное значение – «семья». Также он обозначает понятия «род» и «клан» [大 Большой китайско-русский словарь]. Глагольное значение иероглифа – «наследовать», «преемствовать».

Более точная расшифровка китайского иероглифа «государство» требует отсылки к конфуцианству. Конфуций (VI–V вв. до н. э.) рассматривал государство как большую семью, а политическую власть государя как аналог власти отца [Ян, 1972: 139]. Государь

должен управлять подданными и заботиться о них так, как отец управляет семьей (кланом) и заботится о детях. Это означает, что в восприятии китайцев понятия «семья» и «государство» в некотором смысле едины: согласно Конфуцию, любая семья, как и государство, предполагает наличие родоначальника. Таким образом, китайский иероглиф «государство», предполагает фигуру «отца-государя», ответственного за управление страной и ее население.

Хинди/санскрит. Слово «государство» на хинди «राज्य» (рааджья) созвучно со словом *радж* («князь», «царь») и обозначает «то, что принадлежит раджу». Раджи – их одновременно могло быть несколько – охраняли внешние границы и собирали подати с местного населения (традиция сохранялась в Индии вплоть до XX в. с той разницей, что после колонизации Индии англичанами часть дохода раджи отдавали колонизаторам).

На санскрите существовало несколько слов для передачи значения «страна», «государство». Часть слов происходят от корня *gA-j* – «править», «управлять», «царствовать» (интересно, что второе значение корня – «сиять»): это слова *gA-ya* и *gA-tra*. Они имеют примерно одно и то же значение – «империя, королевство», слово *gA-ya* часто употребляется с глаголом *kr* («делать, осуществлять»), – «осуществлять управление, управлять». Термин *gA-tra* упоминается в [Manusmriti, 1999: 7, 157] как один из элементов, о котором должен заботиться правитель, наряду с армией, казной и др.

Этимологический анализ слова «государство» показывает, что в современном языке Индии его наименование сохраняет пришедшее из древности значение роли заботящегося о подданных правителя. Раджа в Индии, государь в России или глава клана в Китае лингвистически «впаяны» в слово «государство» в этих странах.

Этимологический анализ слова «государство» в странах с доминированием Y-матрицы (английский, французский, немецкий). «Наиболее полное исследование этимологии слова «государство» в исследуемых нами языках представлено, на наш взгляд, в трудах О.В. Хархордина [Хархордин, 2002; 2011: 14–21] и редактируемых им работах. Как политолог он концентрируется на политических контекстах формирования и употребления слов «государство» в английском, французском и немецком языках. Мы же, отталкиваясь от указанных работ, рассмотрим этимологию этой базовой языковой константы с позиций мезоанализа. Мы сознательно избегаем герменевтики, предполагающей толкование терминов и смыслов в социокультурном аспекте.

Обращает на себя следующее. Во-первых, слово «государство» (англ. *a state*, франц. *l'état*, нем. *der Staat*) произошло от латинского *status*, «несет в себе коннотации чего-то стоящего, или установленного, а также условий или характера этой устойчивости» [Хархордин, 2011: 15]. Семантика слова подразумевает прежде всего стремление к некоторому устойчивому состоянию, поддержание некоего режима.

Во-вторых, два латинских выражения *status – stasus regis* и *status regni*, – предшествовавшие возникновению политических терминов *state*, *état* или *staat*, впервые упоминаются в кодексе Юстиниана (529—534 гг.) [там же: 16–17]. Таким образом, в вышедших из латыни языках слово «государство» изначально имело юридический оттенок и однозначно подразумевало законодательный смысл.

В-третьих, рассматривая генезис понятий, в том числе английского *state*, и сравнивая его с другими словами, в разное время «конкурировавшими» за обозначение «государства», автор отмечает: закрепившееся в языке слово *state* оказалось «очень удобным, поскольку не несло коннотаций народного правления... и не отсылало к режиму личного правления» [Хархордин, 2011: 21].

В итоге, укоренение понятия «государство» в языках стран с доминированием Y-матрицы (*state*, *état* или *staat*) следовало иной логике, чем в странах X-матриц. Результатом работы поколений стало не просто обезличивание термина, но исключение отсылок к власти, к иерархиям. Государство как «общепереживаемый посредством языка феномен» связано с его значением обеспечения устойчивого легализованного порядка вещей.

Заключение. Исследование продолжило серию работ по эмпирической верификации основных положений теории институциональных X-Y-матриц [Александров, Кирдина, 2012; Кирдина и др., 2015]. Была обнаружена связь между типом доминирующей в различных странах институциональной матрицы и логикой формирования в языке таких базовых понятий-констант, как «общество» и «государство».

Несмотря на национальные и культурные различия народов, при доминировании в их странах институтов X-матрицы этимология слова «общество» оказывается сходной. В русском, китайском, японском, хинди и урду она отражает превалирование «общего над частным», идею единства с приоритетом общества как целого над входящими в него индивидами. Схожими для этих стран оказываются понятия «государства» – их народы сохранили в структуре этого слова фигуру верховного правителя, миссия которого – управлять, заботясь о подданных.

Для стран, где национальными языками являются английский, французский и немецкий – в них доминируют институты Y-матрицы – языковая константа «общество» демонстрирует принцип построения общества «снизу», когда оно понимается как объединение индивидов в легитимированном союзе. Здесь слово, обозначающее индивида, «впаяно» в слово, обозначающее «общество». Говоря о «государстве», мы видим схожую для этих языков этимологию, связанную с происхождением от общих корней. «Государство» понимается как некая рамка для устойчивого состояния и имеет безличный характер.

Отмечена историческая приверженность языковых констант выделенным логикам формирования: попытки «переобозначить» языковые константы в соответствии с иными образцами не имели успеха.

Полученные выводы междисциплинарного социолого-лингвистического исследования выходят за пределы задачи по эмпирической верификации теории институциональных X-Y-матриц. Они могут представлять интерес для лингвосоциологии, которая «изучает общество через социальные языковые явления и социальные языковые факты, которые выступают инструментальными средствами изучения общества» [Лю, 2018: 120]. Проведенный анализ констант с очевидностью показывает: через язык мы можем улавливать важные мезосоциологические особенности, отличающие общества друг от друга. Наши результаты могут быть интересны в контексте международной коммуникации в общественных науках, прежде всего, в социологии. Можно предположить, что возникающие порой разночтения – следствие не только специфики культурных кодов, но и принадлежности ученых к обществам с доминированием разных институциональных матриц. Язык социологии значимо «пересекается с ареалами быденного, литературно-художественного и публично-политического языков. Слова “общество”, “группа”, ... “господство”, “власть” ... и многие им подобные являются для социологии рабочими терминами. Но они имеют свободное хождение также в быденной и публичной языковых сферах... И контексты употребления перечисленных лексических единиц в ненаучной речи, их коннотации, оттенки значения, ассоциации, ими вызываемые, отбрасывают свой семантический шлейф в “полузакрытую зону” языка обществоведов. Ведь социологи тоже люди, – такие же носители естественных языков, участники повседневных речевых взаимодействий. ... Ядро терминологического аппарата, пусть и нестойкое, также состоит из этих общепотребимых слов» [Подвойский, 2011: 5–6, 8]. Поэтому понимание логики формирования, этимологии и типических социальных представлений, соответствующих используемым лексическим единицам, делает международную коммуникацию социологов более осмысленной и, хочется надеяться, более продуктивной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алаев Л.Б. Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции. М.: ГВРЛ, 1981.
- Александров Ю.И., Кирдина С.Г. Типы ментальности и институциональные матрицы: мультидисциплинарный подход // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 3–12.
- Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М.: Издатель Валерий Костин, 2001.
- Баранова З.И., Котов А.В. Русско-китайский словарь. М.: Русский язык, 1990.
- Будагов Р.А. Развитие французской политической терминологии в XVIII в. Л.: ЛГУ, 1940.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М.: Русский язык, 1989.
- Дуринова Г. Темпоральная семантика слова общество (XI – первая треть XIX века) // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 68–104.
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию. 3-е изд., перераб., расш. и иллюстр. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.
- Кирдина С.Г. Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 51–59.
- Кирдина С.Г., Кузнецова А.Н., Сенько О.В. Климат и институциональные матрицы // Социологические исследования. 2015. № 9. С. 3–13.
- Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий / Пер. с нем. // История понятий, история дискурса, история метафор. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 21–33.
- Колесов В.В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове (Серия: Исследования русской цивилизации). М.: Институт русской цивилизации, 2014.
- Лю Ц. О лингвистическом повороте в социологии // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 115–123.
- Микешина Л.А. Социология и эпистемология: необходимость взаимодействия // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 3–13.
- Можейко М., Лепин С. Дискурс // Новейший философский словарь. Минск: Интерпрессервис, 2001. С. 277–279.
- Подвойский Д.Г. Язык социологии: многоголосье или какофония? // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 3–9.
- Полов Е.А. Язык социальности – конструкт эпохи или науки? // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 12–18.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М.: Астрель, 2003.
- Хархордин О.В. Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках. Труды ф-та полит. наук и социологии. Вып. 6. М.: Летний сад, 2002. С. 152–217.
- Хархордин О.В. Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М.: Русский язык-Медиа, 2004.
- Чудова И.А. Постмодернизм и социологическая теория // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 33–41.
- Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Макс Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 3-е изд., стер. Т. 1. М.: Терра, 1996.
- Ян Хин-шун. Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1972.
- Akahori S. The Self-Description of Society in East Asia // XVII ISA World Congress of Sociology «Sociology on the Move», Gothenburg: ProQuest, 2010.
- Branca-Rosoff S., Guilhaumou J. De société à socialisme: l'invention néologique et son contexte discursive. Dictionnaire des usages socio-politiques (1770–1815). F. 7: Notions théoriques. Paris: Honoré Champion, 2003. P. 143–179.
- Briggs A. The Age of Improvement: 1783–1867. 2nd ed. New York: Longman, 2000.
- Manusmriti with the Commentary of Medhatithi, Ganganatha Jha. Motilal Banarsidass. 2nd ed. 1999. Ch. 7. Verse 157.
- Monier-Williams M. A Sanskrit-English Dictionary: Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages. Oxford: The Clarendon Press, 1899.
- Sako T. Shakai Gainen no Saikentou (Reassessment of Shakai Concept) // Jimbun Gakuho. 2008. № 392. P. 131–153.
- Social Theory and Asian Dialogues: Cultivating Planetary Conversations / Ed. by Ananta Kumar Giri. Singapore: Springer Nature, 2018.

«SOCIETY», «STATE» AND INSTITUTIONAL MATRIXES: THE CASE OF INTERDISCIPLINARY MESO-ANALYSIS

KIRDINA-CHANDLER S.G.*, KRUGLOVA M.S.*

*Institute of Economics of Russian Academy of Sciences, Russia

Svetlana G. KIRDINA-CHANDLER, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher, Head of the sector for the evolution of social and economic systems (kirdina@bk.ru); Maria S. KRUGLOVA, Junior Researcher (mashakruglova999@gmail.com). Both – Institute of Economics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Abstract. The paper presents an example of interdisciplinarity in the development of sociological theory. It is about incorporating the immanent content of such language constants as «society» and «state» into the theory of institutional X-Y matrixes. For this purpose, the method of interdisciplinary meso-analysis is used, which allows us to systematise and organise knowledge from linguistics, obtained by etymological analysis, and apply it in sociological studies. In our sample we compare the etymology of the words «society» and «state» in the languages of those countries where X-matrix institutions dominate (Russian, Chinese, Japanese, Hindi / Sanskrit) and Y-matrix institutions dominate (English, French, German). It is shown that the etymology of the language constants «society» and «state» in the investigated languages quite clearly reflects the essential features of institutional organisation in countries with different dominant matrixes. Thus, it was revealed that the construction of such a basic language constant as «society» in the countries with the dominance of a Y-matrix follows the logic «from the particular to the general», or the deductive logic of aggregation «from the bottom» (bottom-up) – from individuals to society. In turn, for countries with the dominance of X-matrix, the etymological analysis of the word «society» reveals the inductive logic «from the general to the particular», or «from the top» (top-down) – when the whole (society) is pre-eminent in relation to individuals who are secondary in relation to it. Also, a different etymology of the language constant «state» has been revealed in countries with a dominance of the X- or Y-matrix. The results obtained are not only additional evidence of significant differences between societies with the dominance of institutional X- or Y-matrixes, but also substantiate the relevance and application of meso-analysis when conducting such interdisciplinary research. They also serve as a contribution to the development of linguistic sociology, since they show the relationship between the types of societies (their social structures) and the content of the most important linguistic constants that are characteristic of these types of societies, «cleansed» from the cultural context. The results obtained are also important for deeper understanding in international communication between sociologists.

Keywords: meso-analysis, methodological institutionalism, interdisciplinarity, society, state, language constants, theory of institutional X-Y-matrixes, linguistic sociology

REFERENCES

- Akahori S. (2010) The Self-Description of Society in East Asia. In: *XVII ISA World Congress of Sociology «Sociology on the Move»*. Gothenburg: ProQuest.
- Alaev L.B. (1981) *Rural Community in Northern India. The Main Stages of Evolution*. Moscow: GVRL. (In Russ.)
- Aleksandrov Yu.I., Kirdina S.G. (2012) Types of Mentality and Institutional Matrixes: a Multidisciplinary Approach. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8: 3–12. (In Russ.)
- Baranov H.K. (2001) *Arabic-Russian Dictionary*. Moscow: Izdatel Valery Kostin. (In Russ.)
- Baranova Z.I., Kotov A.V. (1990) *Russian-Chinese Dictionary*. Moscow: Russkiy yazyk. (In Russ.)
- Branca-Rosoff S., Guilhaumou J. (2003) *De société à socialisme: l'invention néologique et son contexte discursive. Dictionnaire des usages socio-politiques (1770–1815)*. F. 7: Notions théoriques. Paris: Honoré Champion: 143–179.
- Briggs A. (2000) *The Age of Improvement: 1783–1867*. 2nd ed. New York: Longman.
- Budagov R. (1940) *The Development of French Political Terminology in the 18th Century*. Leningrad: ILGU. (In Russ.)
- Chernykh P. (2004) *Historical and Etymological Dictionary of Modern Russian Language*. Moscow: Russkiy yazyk-Media. (In Russ.)
- Chudova I.A. (2015) Postmodernism and Sociological Theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 5: 33–41 (In Russ.)
- Dal V. (1989) *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*. Vol. 2. Moscow: Russkiy yazyk. (In Russ.)
- Durinova G. (2015) Temporal Semantics of the Word Society (XI – First Third of the XIX Century). *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. Vol. 14. No. 1: 68–104. (In Russ.)

- Etymological Dictionary of the Russian Language*. (1996) In 4 vols. Max Fasmer. Transl. from German by O.N. Trubachev. 3rd ed. Vol. 1. Moscow: Izd. tsentr «Terra». (In Russ.)
- Fasmer M. (2003) *Etymological Dictionary of Russian Language*. Vol. 3. Moscow: Astrel'. (In Russ.)
- Kharkhordin O.V. (2002) What is a «State»? Russian Term in the European Context. In: *Concept of the State in Four Languages*. Proceedings of the Faculty of Political Science and Sociology. Vol. 6. Moscow: Letniy sad: 152–217. (In Russ.)
- Kharkhordin O.V. (2011) *Basic Concepts of Russian Politics*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Kirdina S.G. (2014) *Institutional Matrices and Development in Russia. An Introduction to X&Y Theory*. 3rd ed. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
- Kirdina S.G. (2015) Methodological Institutionalism and the Meso-level of Social Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 51–59. (In Russ.)
- Kirdina S.G., Kuznetsova A.N., Senko O.V. (2015) Climate and Institutional Matrices. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3–13. (In Russ.)
- Kolesov V.V. (2014) *Old Russian Civilization. Heritage in the Word*. (Series: Studies of Russian Civilization). Moscow: Institut rossiyskoy tsivilizatsii. (In Russ.)
- Koselleck R. (2010) On the Issue of Temporal Structures in the Historical Development of Concepts. In: *History of Concepts, History of Discourse, History of Metaphors*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie: 21–33. (In Russ.)
- Liu J. (2018) On the Linguistic Turn in Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 115–123. (In Russ.)
- Manusmriti with the Commentary of Medhatithi*. Ganganatha Jha. Motilal Banarsidass. (1999) 2nd ed. Ch. 7. Verse 157.
- Mikeshina L.A. (2018) Sociology and Epistemology: the Need for Interaction. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No.10: 3–13. (In Russ.)
- Monier-Williams M.A. (1899) *Sanskrit-English Dictionary: Etymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages*. Oxford: The Clarendon Press.
- Mozheiko M., Lepin S. (2001) *Discourse. The Newest Philosophical Dictionary*. Minsk: Interpresservis: 277–279. (In Russ.)
- Podvoisky D.G. (2011) The Language of Sociology: Polyphony or Cacophony? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 3–9. (In Russ.)
- Popov E.A. (2013) The Language of Sociality – the Construct of an Epoch or Science? *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 12–18. (In Russ.)
- Sako T. (2008) Shakai Gainen no Saikentou (Reassessment of Shakai Concept). *Jimbun Gakuho*. No. 392: 131–153.
- Social Theory and Asian Dialogues: Cultivating Planetary Conversations*. (2018) Ed. by Ananta Kumar Giri. Singapore: Springer Nature.
- Yang Xingshun. (1972) *Ancient Chinese Philosophy*. Texts Collection in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl'. (In Russ.)

Received: 01.07.19. Accepted: 12.08.19.